

ПРОЛОГ

Шесть лет назад...

Николетт Бессон собиралась умереть.

Она всерьез намеревалась утопиться, если братья де Винсент не покинут веранду. Просто держать голову под водой и не всплывать, потому что она ни за что не позволит себе показаться им в новом купальнике.

Нет уж.

Она пристально смотрела поверх бортика бассейна. Существовал неплохой шанс на то, что братья даже не подозревали, что девушка там, поскольку она стояла на коленях на мелководье, прячась как дура.

Что они там вообще делали, тесно столпившись и шепчась? Зная их, можно было предположить, что ничего хорошего де Винсенты не затевали.

Если бы их папочка знал, что они собрались тут во главе с Люцианом, он бы сказал, что они задумали *проделку*.

Девлин — старший из де Винсентов, а Габриель — средний. Люциан — самый младший из братьев — всегда создавал проблемы. *Всегда*. Особенно после

того, как умерла их мама, а сестра исчезла. Девлин и Габриель очень похожи на отца, темноволосые и крепкие, но Люциан и его сестра-двойняшка пошли в мать.

Она очень надеялась, что друг Люциана не с ними. Паркер Харрингтон наводил на нее жуть. Он всегда... *пялился* на нее. Что было странно, потому что парень был с ней не особо любезен. Иногда Паркер смотрел на нее так, будто она недостойна даже дышать одним воздухом с ним, а порой — так... Никки передернула плечами, не желая думать об этом.

Она закусила губу, потому что плитка на краю бассейна буквально жгла пальцы. Когда они уже уйдут? Ее мама скоро закончит на кухне, ей придется выбраться из укрытия. Тогда они увидят ее, и Никки *просто умрет*.

Боже, зачем она вообще забралась в этот бассейн? Она даже не умела плавать, но было так жарко, и она сильно вспотела. К тому же ей стало скучно сидеть в одной из многочисленных комнат особняка, не трогая ничего и никуда не выходя, потому что мистер де Винсент был дома.

Глава семейства не любил никакого шума, а Никки могла производить только шум. Много шума. Иногда она так увлекалась, что забывала, где находится. Сидеть спокойно — нет, не так она хотела провести свои летние каникулы. Ух. Они...

Люциан вдруг запрокинул голову, дико расхохотавшись. Звук заставил ее вздрогнуть, она почувствовала, как скривились губы. У Люциана был *самый лучший* смех. Это всегда звучало так, будто через секунду случится нечто безумное... нечто, что, скорее всего, расстроит их отца и заставит ее родителей отчески качать головой.

Что они затевали?

Ее взгляд переместился на Девлина. Он стоял там, пристально глядя на младшего брата с непропускаемым выражением лица. Хотя Гейб ухмылялся и качал головой, пока Люциан размахивал руками как сумасшедший.

Гейб всегда скалился.

Никки невольно задалась вопросом, принес ли ей Гейб какой-нибудь ненужный кусок дерева из своей мастерской. Он уже давненько ничего не приносил, и пальцы у нее зудели от желания опробовать новый набор для резьбы по дереву, который родители подарили на Рождество. Она пока еще училась делать деревянные бусины с дырочкой, чтобы можно было нанизать их на леску и собрать ожерелье или браслет. Никки могла бы спросить Гейба сейчас, но тогда они увидят ее в бассейне, а этого она допустить не могла.

Гейб ни в коем случае не должен увидеть ее в этом купальнике. Кто угодно, но не он.

Медленно шагая по дну бассейна, она была осторожна и тиха, пока глубина становилась больше. Внезапный порыв ветра качнул зонт во внутреннем дворике, и ее окружил аромат роз из сада. Небо начало сереть, и на юге появились свинцовые тучи. Приближалась гроза. *Великолепно*. Возможно, еще не придется топиться: быть может, ей повезет, и ее уберет молнией.

Потому что она не позволит увидеть себя в дурачком, слишком большом цельном купальнике, который мама купила в местном «Кей-марте».

Ни за что.

Де Винсенты были ей как старшие братья. Ну, Гейб и Люциан относились к ней как к сестре. Но не Девлин. Он вел себя так, будто ее не существовало, и ее это вполне устраивало, потому что Дев

тоже не любил шума и никогда не улыбался. Вообще никогда.

Хотя Никки только что исполнилось шестнадцать, она не была уверена, как относиться к мальчикам, за исключением того, что большинство из них ее раздражали. Она слышала, как однажды мама говорила папе, что дочь поздно расцветет. Никки закатила глаза. Она не была дурацким растением или чем-то подобным.

Де Винсенты отличались ото всех. Все, кого знала Никки находили их привлекательными. В конце концов, старшая сестра ее лучшей подруги, вероятно, спуталась с Люцианом и теперь была просто одержима им.

Не то чтобы Никки могла в этом признаться, но она всегда считала Гейба *та-а-аким* крутым. Это все из-за волос.

Они у него были длиннее, чем у братьев, и выглядели густыми и мягкими. Глядя на них, ей хотелось странного, например потрогать их. Но Никки сильно сомневалась, что ему это понравится.

Девушка вспыхнула, когда поняла, что пялится на Гейба. Он был одет в джинсы и белую рубашку, но стоял босой, хотя брусчатка под его ногами должна была быть раскаленной.

Она подумала, что у него красивые ноги.

И смех у Гейба тоже был хороший. И улыбка. Та, что заставляла Никки улыбаться в ответ. И он был *добрым*. Он всегда садился и спрашивал, как дела в школе или что она затевает с друзьями. Показал ей, как превратить квадратный брусок дерева в нечто потрясающее. Он был ей другом, несмотря на то что у него наверняка существовала масса более приятных занятий.

Братья отличались друг от друга. Девлин был холоден. Люциан — безумен. А Гейб — просто...

Никки подавила вздох.

Он был просто... ну, всем.

Где-то вдалеке она услышала раскаты приближающейся грозы и поняла, что погода испортится быстро, но оставалась в бассейне, приклеившись взглядом к Гейбу.

Он никогда не относился к ней как к человеку второго сорта из-за того, что ее родители прислуживали в особняке, в отличие от некоторых своих невежественных друзей-снобов, что многие годы околачивались в доме. Так к ней относился Паркер, так иногда делал Девлин, когда соизволял ее замечать.

Она знала, что у Гейба были серьезные отношения в колледже, потому что однажды, несколько лет назад на Рождество, он привозил свою подружку домой. Ее звали Эмма, она была красивой и милой, и Никки просто... ненавидела ее.

Ну ладно.

Гейб и Эмма уже расстались. Никки улыбнулась себе.

Продолжая красться вдоль бортика, девушка остановилась, почувствовав, что дно резко уходит вниз, так что ей нужно быть осторожнее, если только она не хочет утонуть на самом деле. Так что Никки держалась за край обеими руками, продвигаясь дальше вглубь, ближе к трамплину, которым на ее памяти пользовались только Люциан и Гейб, отважно с него прыгая.

Никки хотела бы так же. Не испытывать страха, словно...

Весь мир полыхнул ярко-белым, когда молния ударила в землю поблизости. Треск грома отразился эхом, и холодок пробежал вдоль позвоночника. Она съежилась, когда небеса разверзлись. Начался ливень, застучав по дворику, окружающему бассейн, и по воде.

Дальше в бассейне оставаться опасно!

Упираясь ногами в боковую стенку, девушка попыталась подтянуться на руках. Она широко распахнула глаза, когда еще одна молния ударила в землю неподалеку.

Именно в тот момент, когда ей удалось закинуть одну тощую ногу на скользкий бортик, братья обернулись.

Гейб сделал шаг вперед из-под навеса веранды.

— Ник!

Она задохнулась, встретившись с ним взглядом. О нет! Она не только была в своем купальнике, но и выглядела словно тонущая кошка, пытающаяся выкарабкаться из воды! Она действительно могла умереть...

Гром разразился снова. Звук был такой, будто небо падало прямо на нее. Все случилось так быстро: мгновенно ее нога заскользила, а затем Никки поняла, что вода накрыла ее целиком.

От шока она разучилась думать. Застигнутая врасплох девушка не закрыла рот и наглоталась воды, погружаясь на дно, а поверхность бурлила над ней.

Легкие обожгло, и Никки почувствовала, что задыхается. Пытаясь всплыть, она, казалось, лишь погружалась еще глубже. Паника охватила тело. Девушка стукнулась задницей о дно бассейна, удар был мягким, но неприятным.

Зажмурившись, она отчаянно затрясла головой, пока жжение в груди становилось сильнее, распространяясь по телу. Никки чувствовала себя странно. словно тысяча огненных муравьев маршировала по коже, и...

Ее внезапно схватили за руки. Обняли за талию. Девушка почувствовала сильный толчок и затем устремилась прямо вверх. Пробила головой поверхность воды. Дождь барабанил по лицу, но она

все равно открыла рот, пытаясь отдышаться, хотя смогла лишь закашляться, отплевываясь водой.

Кто-то протацил ее по воде к бортику, а там вторая пара рук подхватила ее и достала из воды. Никки упала на колени, ее вырвало. Чьи-то руки вновь обхватили талию. Мир перевернулся, когда она почувствовала, как ее несут на веранду. Там девушку осторожно положили и сразу перекатали на бок.

Сильный удар пришелся в спину.

— Давай, Ник. Выплюнь это все. Пусть вода выльется, Ник.

Она узнала голос и поняла, кто это, потому что лишь один человек называл ее *Ник*. Ее тошнило, и с каждым разом вода выплескивалась, будто внутри у нее был целый океан.

— Вот так. — Теперь рука на спине поглаживала ее, а не выбивала воду из легких. — Вот так.

Наконец справившись с дыханием, Никки перекадилась на спину и поняла, что смотрит в глаза цвета глубокого моря, бесконечный сине-зеленый взгляд.

Гейб.

— Ты в порядке? — спросил он, и беспокойство росло в этом прекрасном взгляде с каждой секундой ее молчания. — Ты пугаешь меня, дорогая.

Дорогая?

Никогда раньше он не называл ее «дорогая».

Над его плечом склонился Люциан.

— Она головой не ударилась?

Кто-то выругался, заставив ее вздрогнуть.

— Дев, — вздохнул Люциан, оглядываясь через плечо, где, как она догадалась, маячил Девлин.

Гейб все так же пристально смотрел на нее, положив руки на плечи, и она знала, что ей надо сказать что-нибудь, прежде чем они пойдут и приведут ее родителей.

— Я не ударялась головой.

Лицо Гейба расслабилось.

— Слава богу. — Плечи его поникли, и только тогда она поняла, что его белая рубашка промокла насквозь и липнет к телу, открывая все изгибы его тела. — Ты меня до смерти напугала, Ник.

И тут до нее дошла суть произошедшего. Гейб спас ее.

О боже, он и правда спас ее, иначе она бы утонула!

Он улыбнулся, когда Никки затрясла головой, уронив на лицо мокрые пряди волос.

— Ты в порядке?

Она кивнула, думая, что лучше сесть.

— Ты спас меня.

Улыбка стала шире.

— Теперь я твой герой?

— Да, — прошептала она, а потом кивнула на случай, если он сомневается. Это точно сделало его ее героем.

Гейб хохотнул.

— Боже, — проворчал Девлин, выдвигаясь в поле зрения и скрещивая руки на груди, — последнее, что нам нужно, — это чтобы она утопилась в этом проклятом бассейне. Что ты вообще там делала? Это не твой бассейн и не твой дом, чтобы устраивать из него чертову игровую площадку.

Ее глаза распахнулись. Слезы встали комом в горле, когда она снова сжалась на горячем камне. Он расскажет *своему* отцу. После этого на ее родителей накричат.

Гейб резко обернулся.

— Девлин.

— Маленькая дура даже не умеет плавать, — огрызнулся тот, и против собственной воли Никки почувствовала, как подступают слезы. Она не дура,

но он был прав. Она даже не умела плавать. — Боже, — пробормотал он, — Ливи и Ричард будут знать, как позволять паршивке слоняться тут, когда отец...

— Хватит! Я серьезно! — Гейб повернулся к старшему брату. — Это был несчастный случай. Все кончилось. Ник в порядке. Так что заткнись и иди уже отсюда. Неважно, куда, лишь бы подальше.

Брови Люциана взмыли вверх, и стало похоже, что он готов расхохотаться, тогда как у Никки перехватило дыхание. Она никогда, *никогда* не слышала, чтобы Гейб так разговаривал с Девлином.

Никто не разговаривал так с ним.

Гейб снова обернулся к ней, плечи его были напряжены.

— Полагаю, мне придется научить тебя плавать, не так ли?

Это случилось.

Прямо тут и сейчас, *это* случилось.

Николетт Бессон влюбилась без памяти, и в самой глубине своего сердца она знала, что однажды выйдет за Габриеля де Винсента и они будут жить долго и счастливо.

Она будет его.

Потому что он — уже ее.

ГЛАВА 1

Шесть лет спустя...

Габриелю де Винсенту понадобился весь самоконтроль, чтобы отступить и ничего не сделать. Просто стоять и смотреть, как его уводят, но он должен позволить этому случиться, потому что обещал, а Гейб старался быть человеком слова.

Иногда ему не удавалось, и это мучило его ночами, но он ничего не мог с этим поделать.

Он обещал им три непрерывных месяца. И собирался сдержать слово.

Гейб крепко, до боли стиснул зубы, когда Ротшильды вернулись в ресторан. Он не сводил с них взгляда до тех пор, пока те не скрылись. Лишь тогда мужчина взглянул на лист бумаги.

Плядя на рисунок щенка на куске синей строительной бумаги, он испытывал худшую смесь эмоций. Печаль. Гордость. Беспомощность. Надежду. Ярость, которую никогда не испытывал раньше. Гейб понятия не имел, как один человек может чувствовать все это разом, но он чувствовал.

Кривая улыбка тронула его губы. Это был определенно талантливый рисунок. Настоящее

мастерство. Сноровка де Винсентов в искусстве, очевидно, давала о себе знать.

Его взгляд скользнул по надписи крупным почерком. Он уже трижды перечитал ее и не мог вынести четвертого раза. Не сейчас. Мужчина не хотел сворачивать бумагу, чтобы не появилось загибов, так что осторожно понес ее туда, где припарковался.

— Габриель де Винсент.

Нахмурившись при звуках смутно знакомого голоса, он развернулся. Мужчина вышел из-за грузовика. Темные квадратные солнцезащитные очки закрывали половину лица, но Гейб узнал его.

Он вздохнул.

— Росс Хайд, чем обязан честью видеть тебя в Батон Руж?

Репортер «Адвоката» выдал то, что, по предположению Гейба, могло считаться фирменной ухмылкой того рода, которая должна была открывать ему доступ в любые места.

— Головной офис тут. Ты знаешь это.

— Да, но ты работаешь в офисе в Новом Орлеане, Росс.

Он пожал плечами, подходя к Гейбу.

— Мне нужно было подскочить в головной офис. Дошли слухи, что де Винсенты в городе.

— Ага, — Гейб не поверил в это ни на секунду, — и ты случайно услышал, что я буду в этом ресторане?

Его улыбка стала чуть шире, когда он провел рукой по своим светлым волосам.

— Не-а. Мне просто повезло натолкнуться на тебя.

«Дерьмо». Росс около двух месяцев вынюхивал все о его семье, пытаясь добраться до кого-нибудь, когда они выезжали на ужин или мероприятие,

и появлялся каждый раз там, где были они. Но дома, в Новом Орлеане, Росс не мог приблизиться к ним так просто, не мог подобраться к тому, с кем действительно хотел поговорить, к старшему брату Гейба.

Не требовалось большого ума, чтобы понять, что происходит. Каким-то образом Росс узнал, что Гейб здесь, поэтому *случайно* очутился тут. Обычно он терпимо относился к бесконечным расспросам Росса. Черт побери, он вроде как симпатизировал этому парню, ценил его решимость, но не тогда, когда тот ошивался в паре шагов от него, в то время как сам он занимался делами, которые не хотел предавать огласке.

Опустив солнцезащитные очки, Росс осмотрел машину Гейба.

— Славная тачка. Новый «порше 911»?

Гейб вскинул брови.

— Должно быть, семейный бизнес идет неплохо. С другой стороны, семейный бизнес всегда идет неплохо, не так ли? Де Винсенты — старые богачи. Избранные среди *избранных*.

Семья Гейба была из старейших, и история ее тянулась от тех дней, когда был создан великий штат Луизиана. Сегодня они владели самыми прибыльными нефтеперерабатывающими заводами в Заливе, им принадлежала недвижимость по всему миру, а также технологические конторы, ну а когда его старший брат женится, они станут контролировать одну из крупнейших судоходных компаний в мире. Де Винсенты были богаты, но машину и почти все, чем владел Гейб, он купил на деньги, которые заработал сам, а не на те, что достались ему *по праву рождения*.

— Некоторые говорят, что у вашей семьи столько денег, что де Винсенты стоят над законом. — Росс

поправил свои солнцезащитные очки. — Похоже, что это правда.

У Гейба и впрямь не было на это времени.

— Что бы ты ни хотел сказать, можешь перестать уже ходить вокруг да около и приступить к делу? Я планирую наконец уже поехать домой.

Улыбка репортера померкла.

— Поскольку мы оба тут, а в любое другое время поговорить с вами чертовски трудно, хочу поболтать о смерти вашего отца.

— Уверен, хотите.

— Я не верю, что это было самоубийство, — продолжил Росс. — И мне кажется также удобным, что шеф Кобс, который так открыто и громко требовал, чтобы смерть вашего отца расследовали как убийство, погиб в автокатастрофе.

— Неужели?

— И это все, что вы можете мне сказать? — Разочарование в голосе Росса гудело словно чертова саранча.

— Этого более чем достаточно, — ухмыльнулся Гейб. — Могу добавить, что у тебя слишком богатое воображение, но ты это наверняка уже слышал.

— Не думаю, что мое воображение достаточно богато, чтобы соперничать со всем тем, к чему приложили руку де Винсенты.

Вероятно, нет.

— Окей, я не буду спрашивать вас об отце или шефе. — Росс мялся, пока Гейб открывал дверцу машины. — Еще я слышал некоторые любопытные слухи о каких-то новых слугах, появившихся в доме де Винсентов.

— У меня складывается впечатление, будто вы преследуете нас. — Гейб положил рисунок лицом вниз на пассажирское сиденье. — Если хочешь поговорить о слугах, тебе лучше обратиться к Деву.

— Девлин не выкроит время, чтобы встретиться со мной.

— Похоже, это не моя проблема.

— А похоже, что теперь ваша.

Гейб засмеялся, но смех прозвучал неискренне. Он потянулся внутрь кабины и взял очки с солнцезащитного козырька.

— Поверьте мне, Росс, это не моя проблема.

— Может, сейчас вы так и не считаете, но все изменится. — Щека мужчины дернулась. — Я намерен сорвать покровы с каждой проклятой тайны, которую де Винсенты хранили годами. Я собираюсь сделать такую историю, которую даже твоя семья не сможет замять.

Качая головой, Гейб надел очки.

— Вы мне нравитесь, Росс. Вы знаете, у меня никогда не было с вами проблем. Так что я просто хочу избавиться от всего этого. Но вам стоит придумать что-нибудь получше, потому что это ужасно банально. — Он положил ладонь на дверцу машины. — Вам стоит знать, что вы не первый репортер, который приходит, считая, что сможет вытряхнуть все скелеты из наших шкафов и разоблачить, что вы там хотите разоблачить. И вы будете не последним, кому ничего не удастся.

— Мне всегда все удается, — ответил Росс. — Всегда.

— Все когда-нибудь проигрывают.

Гейб сел за руль.

— Кроме де Винсентов?

— Это вы сказали, не я. — Гейб поднял взгляд на репортера. — Хотите один непрошенный совет? Я бы нашел другую историю для расследования.

— Вы случайно не советуете мне быть осторожнее? — В его голосе звучало странное ликование. — Предупреждаете потому, что люди,

которые встают на дороге де Винсентов, пропадают или что похуже?

Гейб ухмыльнулся и повернул ключ зажигания.

— Кажется, нет необходимости говорить вам это. Похоже, вы и сами все знаете.

* * *

Никки стояла в центре тихой и стерильной кухни в особняке де Винсентов, говоря себе, что она уже не та маленькая идиотка, которая чуть не утопилась в бассейне шесть лет назад.

И уж точно она не была той девчонкой, которая годами выставляла себя полной дурой, гоняясь за взрослым мужчиной. Поступок, приведший к одной из худших идей в ее жизни.

Никки в своей жизни приняла целый ряд не самых блестящих решений. Отец говорил, что в ней есть что-то дикое, что дочь пошла в бабулю, но она предпочитала обвинять в своем сумасбродстве де Винсентов. У них был действительно странный талант заставлять всех вокруг вытворять безрассудные вещи.

Ее мать заявляла, что большинство неудачных решений Никки проистекает оттого, что у нее *доброе сердце*.

У девушки была привычка подбирать бездомных и больных кошек, собак, ящериц — тут и там, даже змей, и людей тоже. Она обладала отзывчивым сердцем и ненавидела, когда страдал кто-то, кто был ей дорог, и очень часто ее волновали проблемы незнакомцев.

Вот почему на праздники Никки избегала смотреть телевизор: там всегда крутили разрывающие сердце видео о замерзающих животных или голодающих детях в раздираемых войной странах. Из-за этого она ненавидела канун Нового года

и проводила неделю между Рождеством и первым января, слоняясь без дела.

В Никки все еще сохранилось многое от той, кем она была, когда последний раз бродила по этому дому. Она все еще переживала за бездомных животных, поэтому работала волонтером в местном приюте. По-прежнему не могла отвернуться от тех, кто нуждался в помощи, и все еще попадала в нелепые ситуации.

Но безрассудства в ней поубавилось.

С тех пор как она в последний раз была в этом доме перед отъездом в колледж, прошло четыре года. Теперь она вернулась, а тут изменилось все и не изменилось ничего одновременно.

— С тобой все в порядке, дорогая? — спросил папа.

Вопрос вырвал ее из потока собственных мыслей, и она обернулась к отцу, стоящему посреди большой кухни. Боже, папа постарел, и это напугало ее. Никки была поздним ребенком, ей всего двадцать два, и следующие лет пятьдесят своей жизни она хотела бы провести с ними. Девушка знала, что это невозможно. Но прогнала из головы эти мысли.

— Да. Просто... странно быть тут после такого долгого отсутствия. Кухня стала другой.

— Ее переделали несколько лет назад, — ответил он. Похоже, реновировали весь особняк. В конце концов, сколько раз с момента постройки этот дом горел? Никки потеряла счет. Ее отец глубоко вздохнул — четче обозначились морщины у рта. Он казался таким усталым.

— Не знаю, говорил я тебе или нет, но спасибо.

Она отмахнулась.

— Не нужно благодарить меня, па.

— Нет, нужно. — Он подошел к ней. — Ты поступила в колледж, чтобы добиться чего-то большего, чем быть прислугой.

Обидевшись за него, Никки сложила руки на груди и встретила его усталый взгляд.

— Нет ничего плохого в том, чтобы готовить обеды и вести хозяйство. Это хорошая, честная работа, благодаря которой я попала в колледж. Верно, па?

— Мы очень гордимся своим местом. Не пойми меня неправильно, но мы с матерью приложили все усилия, чтобы ты занималась чем-нибудь другим. — Он вздохнул. — Поэтому то, что ты приехала помочь, значит для нас очень много, Николетт.

Только мама и папа звали ее полным именем. Все остальные называли ее Никки. Все, кроме одного де Винсента, которого она даже вспоминать не хочет. Только он называл ее Ник.

С тех самых пор, как она родилась, родители работали у де Винсентов, одной из самых обеспеченных семей в Штатах и, вероятно, в мире. Было странно расти в этом доме, наблюдать многие необычные события, о которых широкая общественность не имела никакого понятия, но, вероятно, заплатила бы неплохие деньги, чтобы узнать о них. Сама же Никки, казалось, зависла где-то между двумя мирами: первый был до неприличия обеспечен, а второй воплощал собой обычный рабочий класс.

Отец девушки служил простым дворецким, только ей всегда казалось, что он решал дела де Винсентов как заправский управляющий. Мать Никки вела хозяйство и готовила еду. Родителям нравилось работать на эту семью, и она знала, что они планировали прослужить де Винсентам до самой смерти, но ее мама...

Сердце Никки болезненно сжалось. Маме нездоровилось, и все произошло так быстро, возникло просто из ниоткуда. Ужасающее слово на букву «Р».

— Честно говоря, это идеально. Я получила степень, и теперь у меня будет время решить, что делать дальше. — Иными словами, решить, что, черт возьми, она хочет сделать со своей жизнью на самом деле. Начать работать или продолжить учиться на магистра? Никки все еще не была уверена. — И я хочу оставаться тут, пока мама проходит через все это.

— Знаю. — Улыбка отца чуть дрогнула, когда он убрал с лица дочери прядь каштановых волос. — Мы могли бы нанять кого-нибудь другого, пока твоя мать...

— Нет, не могли бы. — Она рассмеялась при одной мысли об этом. — Я знаю, какие странные эти де Винсенты. Помню, как сильно вы их защищаете. Понимаю, что нужно держать рот на замке, и умею закрывать глаза на то, чего не должна видеть. Вам не стоит переживать еще по поводу кого-то новенького, который слишком много болтает или подмечает лишнее.

Ее отец выгнул бровь.

— Многое переменялось, дорогая.

Никки фыркнула, оглядывая белые мраморные столешницы с серыми прожилками. Во время одной из химиотерапий мама посвятила ее в подробности некоторых *перемен*. В конце концов, о чем еще им было говорить, пока маму накачивали ядом, который, как надеялась Никки, убьет и раковые клетки, растущие в ее легких?

Сначала глава семьи, Лоуренс де Винсент, повесился несколько месяцев назад. Поступок, который потряс ее, потому что ей казалось, что этот человек переживет даже атомный взрыв. А у Люциана

де Винсента, похоже, появилась подружка, и они собирались переехать в собственный дом. Мысль о том, что этот ходок наконец-то остепенился, казалась еще более безумной.

Люциан, которого она знала, во всем искал забаву. Он был неисправимым ловеласом и оставлял за собой череду разбитых сердец по всему штату Луизиана и за его пределами.

Она не видела его подружку, потому что они уехали в какое-то путешествие: богатые люди, кажется, редко живут по расписанию. Девушка лишь надеялась, что, кем бы ни оказалась его избранница, она будет славной и не похожей на невесту Девлина.

Никки, может, и не появлялась у де Винсентов четыре года, но помнила Сабрину Харрингтон и ее брата Паркера.

Сабрина начала встречаться с Девлином за год до того, как Никки уехала в колледж, и это был целый год ехидных комментариев и довольно обидных презрительных взглядов. Но с Сабриной можно справиться. Если она осталась прежней, то в своей злости могла посоперничать с гремучей змеей, но обычно Никки на таких людей даже не обращала внимания.

Но Паркер.

Никки подавила дрожь, не желая тревожить отца, который следил за ней словно ястреб. Этот парень часто пялился на нее так, как она хотела бы, чтобы на нее смотрел Гейб, особенно когда отважилась сменить закрытый купальник на раздельный.

Паркер не только смотрел на нее...

Она глубоко вздохнула. Не стоит думать о нем, он недостоин даже упоминания.

Но то, что случилось с Лоуренсом, и новый роман Люциана были не единственным, о чем рассказала